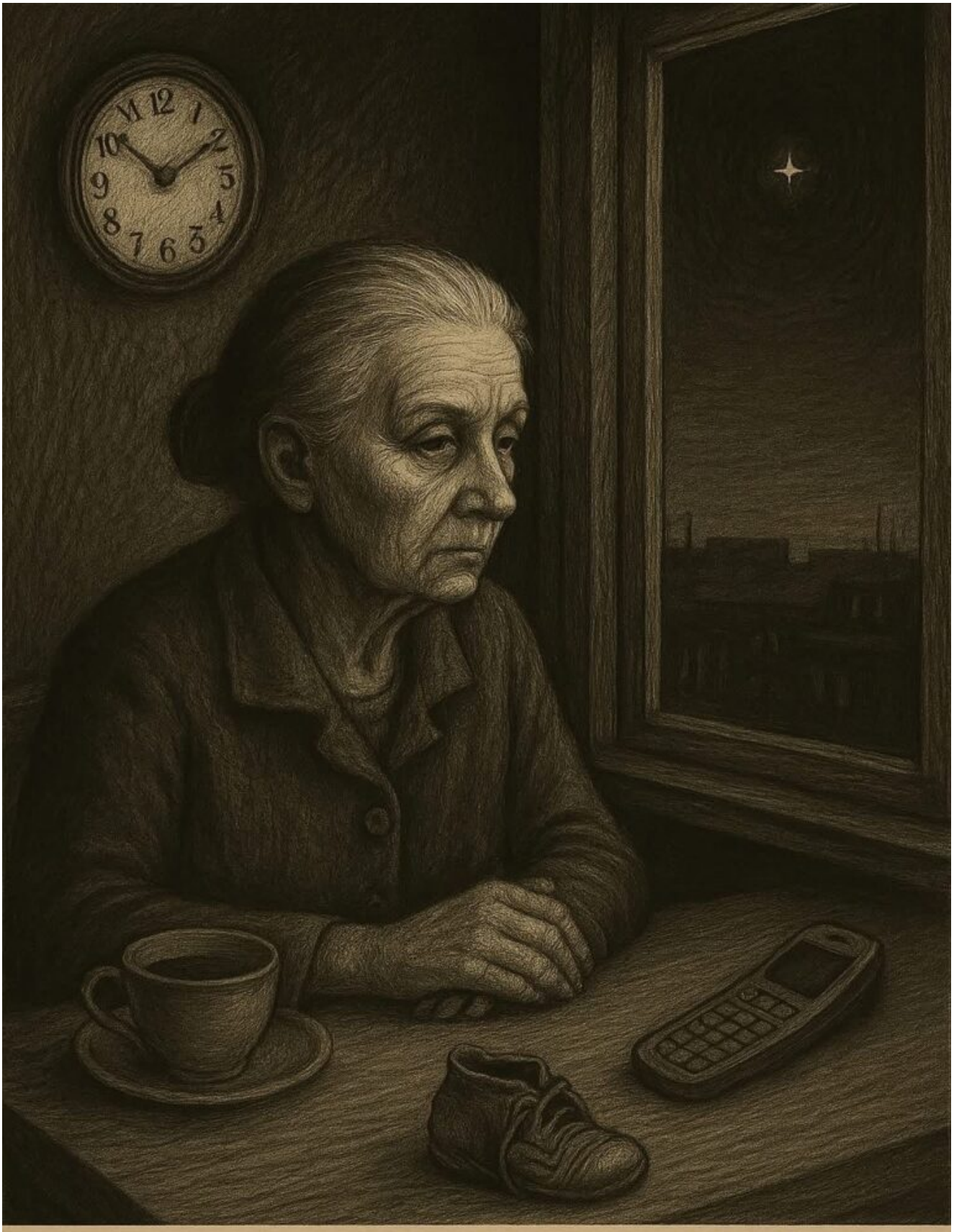
Мать — женщина с радаром вместо души



МАТЬ–ЖЕНЩИНА С РАДАРОМ ВМЕСТО ДУШИ

Твардовски

Я не злюсь, когда ты не берёшь трубку. Я просто мать. И у меня нет кнопки «не волноваться». Эта кнопка сгорела ещё тогда, когда ты впервые закашлял посреди ночи, и я сидела рядом, ловя твоё дыхание, будто это была радиосвязь с космосом. Не слышу — значит, всё, пропал. Слышен — значит, жив. Вот и весь анализ. У любви нет рациональных формул. У любви — колокольчики в голове, когда тишина слишком долгая.

Когда я говорю: «Оденься потеплее», ты слышишь ворчание, а я слышу — тот старый кашель, ту дрожь в твоих руках, когда ты был ещё комком жизни, а я — весь космос, который держал тебя за руку. Это не критика. Это воспоминание, как я согревала тебя своим телом, как мантра «пусть всё будет хорошо» звучала в каждом вдохе моего сна, которого не было.

Когда я прошу тебя не пить, не курить — это не полиция морали. Это я молюсь без слов. Это я разговариваю с будущим, которого боюсь. Я не хочу быть рядом с твоим прощанием. Я хочу, чтобы мои морщины состарились раньше твоих белых волос. Хочу, чтобы ты жил, даже когда меня не станет. Потому что мать умирает многократно — сначала от страха, потом от беспокойства, потом от разлуки, и только в конце от смерти.

Когда я спрашиваю, с кем ты, это не потому, что мне скучно. Я не шпион. Я просто женщина, у которой когда-то разбилось сердце — и оно научилось слушать сквозь стены времени. Если ты с теми, кто ранит — моё сердце кричит раньше твоего. Это не любопытство, это предчувствие. Это как дождь до грозы — ты его не видишь, но чувствуешь на коже.

А когда я пишу тебе: «Напиши, как доберёшься», это не привычка. Это не напоминание, это не навязчивость. Это как свеча в окне, которая не гаснет, пока корабль не пришвартуется. Это тёплая бессонница. Это любовь, которая умеет ждать, но не умеет не ждать. Даже если ты уже взрослый, с бородой, с детьми, с ипотекой — я всё равно слышу в тебе того мальчика, который кричал «мама!» из-под лавки, где застрял между ногами кошки.

Я не хочу быть обузой. Правда. Я просто хочу знать, что ты цел. Что ты ешь. Что ты живёшь, а не существуешь. Что у тебя не болит сердце, даже если болит у меня.

Потому что, сынок, ты можешь стать хоть министром, хоть буддой, хоть марсианином — ты всё равно мой мир. А я — просто старая планета, вращающаяся вокруг тебя, даже если ты давно улетел на свою орбиту.

II

Если женщина готова на всё ради мужчины — значит, он её сын. И это не метафора, это почти анатомия. Это уже не психология, а алхимия, свёрнутая в утробный свиток, прочесть который можно только через любовь, через страх и бессонницу. Мать и сын — не просто люди, это когда две судьбы сидят на одной жиле бытия. Одновременно. Навсегда. И если кто-то ещё думает, что пуповина была перерезана — он просто не знает, как тонко поёт космический шнур, протянутый от груди к груди, даже сквозь десятилетия.

Мать и сын — это до смешного странный союз: одно существо, в котором живёт и мужское, и женское, и ангельское, и звериное. Они жили вместе, внутри друг друга, как два актёра в одном костюме. Она — храм, он — свеча, или наоборот, в зависимости от фазы луны и количества слёз за день.

Наука, как всегда, догоняет жизнь с опозданием. Исследователи, эти бедные дети логики, только недавно узнали, что клетки ребёнка остаются в теле матери навсегда, а её клетки — в нём. Так что, если мой сын поцарапается — болит у меня. Если я заболела — он просыпается с тревогой, не зная, почему. Потому что части нас всё ещё шепчутся внутри. Телесная телепатия, родственная биология, клеточная поэзия.

В физике говорят: одноимённые заряды отталкиваются, а противоположные — притягиваются. Но в любви всё страннее. Там можно отталкиваться, чтобы не сгореть. Можно притягиваться, чтобы просто услышать дыхание другого. Я посылаю сыну луч из

сердца — и он доходит раньше, чем моя мысль оформится в слово. Я чувствую, когда он голоден. Он звонит, когда я засыпаю с тревогой. Это не магия. Это просто материнство. Или сверхсвязь. Или божественный Wi-Fi без роутера и пароля.

Иногда я смеюсь: может, мы просто ошиблись с воплощениями, и я была ему женой в прошлой жизни? Или он был моим отцом, а теперь пришёл защитить меня в теле мальчика, который хочет стать космонавтом? Бывает, я смотрю на него и думаю: какой взрослый мужчина… и всё равно вижу в нём того малыша, что брал меня за палец, как за штурвал Вселенной.

Сын — это не просто ребёнок. Это вселенский вызов. Это мужское начало, которое мать пестует, но не владеет. Это как растить костёр, зная, что он уйдёт греть чужие дома. Сын — это любовь, которая не станет твоим мужем, но будет твоим героем. Это мужчина, которого ты научила плакать — и он запомнил, что это не слабость.

Я не жду благодарности. Мать не банковская система, ей не нужен возврат вложений. Мне достаточно знать, что он дышит. Что он идёт. Что он иногда оглядывается, чтобы проверить — ещё ли я там. А я всегда там. Даже если меня уже нет.

Автор: П. Твардовски (Псикус Таткин)